

ДОЛГОЖДАННЫЙ ПОЭТ

Николай Рубцов — поэт долгожданный. Блок и Есенин были последними, кто очаровывал читающий мир поэзией — непридуманной, органической. Полвека прошло в поиске, в изыске, в утверждении многих форм, а также — истин. Большинство из найденного за эти годы в русской поэзии позднее рассыпалось прахом, кое-что осело на ее дно интеллектуальным осадком, сделало стих гуще, эрудированнее, изящней. Время от времени в огромном хоре советской поэзии звучали голоса яркие, неповторимые. И все же — хотелось Рубцова. Требовалось. Кислородное голодание без его стихов — надвигалось... Долгожданный поэт. И в то же время — неожиданный. Увидев его впервые, я забыл о нем на другой день. От его внешности не исходило «поэтического сияния». Трудно было поверить, что такой «мужичонка» пишет стихи или, что теперь стало фактом, будет прекрасным русским поэтом... Неожиданный поэт.

В самом начале шестидесятых годов проживал я на Пушкинской улице — угол Невского — возле Московского вокзала. И, естественно, дом мой был проходным двором. «Зал ожидания» — прозвали друзья мою коммунальную квартиру, где в десяти-метровой комнатенке порой собиралось до сорока человек... Пришел однажды и Николай Рубцов. Читал свои морские, рыбацкие стихи. Читал зло, напористо, с вызовом. Вот, мол, вам, интеллигенты бледнолицые, книжники очкастые! Сохранилась и запись магнитофонная того времени. Ее сделал Борис Тайгин, собиратель голосов и рукописей многих начинающих поэтов той поры. А внешне Николай на людях всегда как бы стеснялся привлекать всеобщее внимание. Вещал из уголка, из-за чьей-нибудь спины.

Стихов тогда читалась масса, поэты шли косяком. Одно только литобъединение Горного института выплеснуло до десятка интересных поэтов. И голос Рубцова, еще не нашедшего своей, корневой, драматической темы Родины, России, темы жизни и смерти, любви и отчаянья, тогдашний голос Рубцова тонул в окружающих его голосах. И это закономерно. В Ленинграде Рубцов был в какой-то мере чужаком, пришельцем. Од-

нажды привел с собой брата с гармошкой. И мы все пошли в один из ленинградских садиков, сели на лавку и стали играть на гармошке и петь песни. Городские люди на нас с интересом смотрели. А Коля не мог иначе. Ему так хотелось щегольнуть гармозой, северной частушкой или моряцким гимном — «Раскинулось море широко»... Он таким образом заявлял в городе о себе, сохраняя в себе свое, тамошнее, народное...

Однажды он пришел ко мне на Пушкинскую и сказал, что посвятил мне одно стихотворение. Что ж, было даже приятно. Значит, Коля и во мне что-то нашел. Ну читай, говорю, ежели посвятил. И Коля прочел: «Трущобный двор, фигура на углу...» Стихотворение тогда называлось «Поэт» и содержало гораздо больше строф, нежели в нынешней, посмертной редакции. И заканчивалось оно как будто бы по-другому. Однако не это главное. Главное, что стихи взволновали, даже потрясли своей неожиданной мощью, рельефностью образов, драматизмом правды... И Коля для меня перестал быть просто Колей. В моем мире возник поэт Николай Рубцов. Это был праздник.

Николай Рубцов был добрым. Он не имел имущества. Он им всегда делился с окружающими.

Деньги тоже не прятал. А получка на Кировском заводе доставалась нелегко. Он работал шихтовщиком, грузил металл, напрягал мускулы. Всегда хотел есть. Но ел мало. Ограничивался бутербродами, студнем. И чаем. Супы отвергал.

Помню, пришлось мне заночевать у него в общежитии. Шесть коек. Одна оказалась свободной. Хозяин отсутствовал. И мне предложили эту койку. Помню, как Рубцов беседовал с кастеляншей, пояснял ей, что пришел ночевать не просто человек, но — поэт, и потому необходимо — непременно! — сменить белье.

С Николаем мы расстались, когда он уехал в Москву, в Литинститут. Я учиться там не хотел. И дороги наши надолго разошлись. Я был слишком занят самим собой, своими стихами. И проворонил взлет поэта. Второе рождение Рубцова.

Не секрет, что многие даже из общавшихся с Николаем узнали о нем как о большом поэте уже после смерти. Я не исключение. Но мне от этого не стыдно. Мы горели одним огнем, одними заботами. Хотя и под разными крышами, но под одним небом — русским небом. И меня пощадила жизнь, а его — искрошила. Подарив чуть позже бессмертие. Созданное его трудом. Его талантом.

Его любовью к Родине, к ее слову. Мы расстались, но мы — рядом. Вот они, его «Подорожники», его «Сосен шум», его «Зеленые цветы». Я протягиваю руку, и глаза касаются Рубцова, души его нежной, опаленной, но всегда — живой.

Популярность поэзии Николая Рубцова среди людей, читающих стихи, не затухает. Скорее — наоборот. Популярность, возникшая почти сразу же после гибели поэта, теперь перерастает в прочную закономерность приятия рубцовой музыки как бесспорно истинного, устоявшегося, почти классического. Лирика поэта издается теперь в самых разнообразных сериях, рубриках, библиотечках.

А ведь поэта, о котором идет речь, не стало совсем недавно. И вся-то его сиротская, детдомовская поначалу жизнь длилась немногим больше тридцати лет. И родился он не в конце прошлого литературного и даже не в начале нынешнего, блоковского, века, а в самом разгаре нашей Советской эпохи. И вдруг — чуть ли не классик! Почему? Ведь на наших глазах промелькнуло множество интересных стихотворцев, заполонивших своими сочинениями сотни и сотни томов. А, скажем, к библиотечке «Поэтическая Россия» или «Поэтической библиотечке школьника», где нынче издается

Николай Рубцов, их даже близко не подпускают. Почему?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо отличать Поэзию от ее заменителей. Подлинное от поддельного.

Во все исторические периоды, по крайней мере, от начала письменности, а не только в нынешние высокоэрудированные времена, сочинители делились на два разряда: на владельцев литературных способностей и на обладателей поэтического дарования, дара, как говорили прежде.

Овладеть умением слагать стихи — не такая уж трудная или безнадежная задача. Этому процессу сейчас способствуют радио, телевидение, где стихи читают и взрослые, и дети, и даже... вычислительные машины, которые попутно горазды и сами нечто забавное сочинить. Теперь отличить подделку от правды в стихосложении могут только очень чуткие, я бы сказал, талантливые читатели, а также — Время. Да, лишь оно, бесстрастное Время, способно просеять, взвесить, подвергнуть духовному анализу все сотворенное людьми впопыхах, в движении их по жизни. И в итоге на полку Времени (а не библиотеки!) наконец-то ставится книжечка, или картина, или нотная тетрадь, а то и го-

лос певца, вообще — нечто свое, уникальное, неповторимое, иногда внешне как бы продолжающее некий ряд, скажем, Кольцов — Никитин — Есенин. Или другой ряд, скажем, Тютчев — Фет — Блок... Продолжающее в развитии, а не в уподоблении рабском.

Знаю, что многие из критиков, а также собратьев моих по перу, рассуждая при случае о поэтической судьбе Николая Рубцова, сразу же причисляют его чуть ли не к апологетам Есенина. Наивная несправедливость. Преодолимая близорукость. Рубцов жил в свое время, Есенин — в свое. То, что ощутил, выстрадал, впитал своим дарованием один, не мог до него выстрадать, ощутить другой, каким бы провидцем последний ни оказался. Чувства — индивидуальны. Можно исповедовать одни и те же идеи: устремления мысли, но восторгаться или страдать, возгораться и гаснуть каждый обречен самостоятельно. И здесь нужно четко разделить одно понятие от другого: понятие школы и поэтической судьбы, глубинной сути поэта, что всегда целостна, всегда первозданна.

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...

Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои...

Эта музыка, интонация слов — выстрадана. Так писать мог только один человек, а именно — Николай Рубцов. Это его кровные слова, его естественное состояние души.

До конца,
До тихого креста
Пусть душа останется чиста!

Или:

Россия, Русь!
Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они —
Иных времен татары и монголы.

Так написать мог только истинный поэт, живший болью своей эпохи, патриот земли родной в самом высоком смысле этого слова, потому что мысль «храни» перерастает здесь рамки лично-го и даже — отчего. Сохраняя любовь и память

к своему изначальному, к родимой деревеньке, городу, речке детства, мы тем самым сохраняем любовь к Отчизне и даже больше — ко всему живому на земле.

Поэзия Николая Рубцова, помимо эмоционального, несет в себе мощный нравственный заряд, иными словами — она, его поэзия, способна не только воспитывать в человеке чувства добрые, но и формировать более сложные духовные начала.

Поэзия Рубцова — не «тихая», не камерная, не подходит она под определение «деревенской» поэзии. Она просто — поэзия. Поэзия Николая Рубцова. И спасибо ему от нас запоздалое за красоту и пронзительность этой поэзии, спасибо ему за любовь его земную, неопалимую.

Глеб Горбовский

* * *

Уж сколько лет слоняюсь по планете!
И до сих пор пристанища мне нет..
Есть в мире этом страшные приметы,
Но нет такой печальнее примет!
Вокруг меня ничто неразлично,
И путь укрыт от взора моего,
Иду, бреду туманами седыми;
Не знаю сам, куда и для чего?
В лицо невзгодам гордою улыбкой
Ужели мне смеяться целый век?
Ужели я, рожденный по ошибке,
Не идиот, не гад, не человек?
Иль нам унынию рано предаваться,
На все запас терпения иметь?
Пройти сквозь бури, грозы, чтоб назваться
Среди других глупцом и... умереть?
Когда ж до слез, до боли надоели,
Заботы все забвению предать?
И слушать птиц залиvistые трели
И с безнадежной грустью вспоминать?

И вспомню я...
Полярною зимою
Как ночь была темна и холодна!
Казалось, в мире этом под луною
Она губить все чувства рождена!
Как за окном скулил, не умолкая,
Бездомный ветер, шляясь над землей,
Ему щенки вторили, подвывая, –
И все в один сливалось жуткий вой!
Как, надрываясь, плакала гармошка,
И, сквозь кошмар в ночной врываясь час,
Как где-то дико грохали сапожки –
Под вой гармошки – русский перепляс.
...Бродить и петь про тонкую рябину,
Чтоб голос мой услышала она:
Ты не одна томишься на чужбине
И одинокой быть обречена!..

1955, январь

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Ах, кто не любит первый снег
В замерзших руслах тихих рек,
В полях, в селеньях и в бору,
Слегка гудящем на ветру!

В деревне празднуют дожинки,
И на гармонь летят снежинки.
И весь в светящемся снегу
Лось замирает на бегу
На отдаленном берегу.

Зачем ты держишь кнут в ладони?
Легко в упряжке скачут кони,
А по дороге меж полей,
Как стаи белых голубей,
Взлетает снег из-под саней...

Ах, кто не любит первый снег
В замерзших руслах тихих рек,
В полях, в селеньях и в бору,
Слегка гудящем на ветру!

1955

НАД РЕКОЙ

Жалобно в лесу кричит кукушка
О любви, о скорби неизбежной...
Обнялась с подружкой подружка
И, вздыхая, жалуется нежно:

Погрусти, поплачь со мной, сестрица.
Милый мой жалел меня не много.
Изменяет мне и не стыдится.
У меня на сердце одиноко...

Может быть, еще не изменяет, —
Тихо ей откликнулась подружка, —
Это мой стыда совсем не знает,
Для него любовь моя — игрушка...

Прислонившись к трепетной осинке,
Две подружки нежно целовались,
Обнимались, словно сиротинки,
И слезами горько обливались.

И не знали юные подружки,
Что для грусти этой, для кручины,

Кроме вечной жалобы кукушки,
Может быть, и не было причины.

Может быть, ребята собирались,
Да с родней остались на пирушке,
Может быть, ребята сомневались,
Что тоскуют гордые подружки.

И когда задремлет деревушка
И зажгутся звезды над потоком,
Не кричи так жалобно, кукушка!
Никому не будет одиноко...

В ДОЗОРЕ

Визирщики
пощады не давали
Своим
молящим отдыха глазам,
Акустиков, мы знали, сон не свалит!..
...В пути
никто
не повстречался нам.
Одни лишь волны
буйно
под ветрами
Со всех сторон —
куда ни погляди —
Ходили,
словно мускулы,
буграми
По океанской
выпуклой груди.
И быть беспечным
просто невозможно

ШТОРМ

Бушует сентябрь. Негодует народ.
И нету конца канители!
Беспомощно в бухте качается флот,
Как будто дитя в колыбели...

Бывалых матросов тоска томит,
Устали бренчать на гитаре...
Недобрые ветры подули, Смит!
Недобрые ветры, Гарри!

Разгневалось море, — сказал матрос.
Разгневалось, — друг ответил.
И долго молчали, повесив нос,
И слушали шквальный ветер...

Безделье такое матросов злит.
Ну, море! Шумит и шпарит!
А были хорошие ветры, Смит!
Хорошие ветры, Гарри!

И снова, маршрут повторяя свой,
Под мокрой листвою бурой
По деревянной сырой мостовой
Матросы гуляли хмуро...

ОТПУСКНОЕ

Над вокзалом — ранних звезд мерцанье.
В сердце — чувств невысказанных рой.
До свиданья, Север!
До свиданья,
Край снегов и славы боевой!
До свиданья, шторма вой и скрежет
И ночные вахты моряков
Возле каменистых побережий
С путеводным светом маяков...
Еду, еду в отпуск в Подмосковье!
И в родном селении опять
Скоро, переполненный любовью,
Обниму взволнованную мать.
В каждом доме, с радостью встречая,
Вновь соседи будут за столом
Угощать меня домашним чаем
И большим семейным пирогом.
И с законной гордостью во взоре,
Вспомнив схватки с морем штормовым,
О друзьях, оставшихся в дозоре,

ГДЕ ВЕСЕЛЫЕ ДЕВУШКИ НАШИ?

Как играли они у берез
На лужке, зеленеющем нежно!
И, поплакав о чем-то всерьез,
Как смеялись они безмятежно!

И цветы мне бросали: — Лови! —
И брожу я, забыт и обижен:
Игры юности, игры любви —
Почему я их больше не вижу?

Чей-то смех у заросших плетней,
Чей-то говор все тише и тише,
Спор гармошек и крики парней —
Почему я их больше не слышу?

— Васильки, — говорю, — васильки!
Может быть, вы не те, а другие,
Безразлично вам, годы какие
Провели мы у этой реки?

Ничего не сказали в ответ.
Но как будто чего выражали —
Долго, долго смотрели вослед,
Провожали меня, провожали...

А ДУБА НЕТ

Поток, разбуженный весной,
Катился в пене кружевной,
И, озаряемый луною,
Светился тихо край родной.
Светился сад, светилось поле
И глубь дремотная озер, —
И ты пошла за мной без воли,
Как будто я гипнотизер...
Зачем твой голос волновался
И разливался лунный свет?
Где дуб шумел и красовался,
Там пень стоит... А дуба нет...

НА ГУЛЯНИЕ

На меду, на бране да на финках
Расходились молнии и гром!
И уже красавицы в косынках
Неподвижно, словно на картинках,
Усидеть не в силах за столом.
Взяли ковш, большой и примитивный: —
Выпей с нами, смелая душа! —
Атаман, сердитый и активный,
Полетит под стол, как реактивный,
Сразу после этого ковша.
Будет он в постельной упаковке,
Как младенец, жалобно зевать,
От подушки, судя по сноровке,
Кулаки свои, как двухпудовки,
До утра не сможет оторвать...
И тогда в притихшем сельсовете,
Где баян бахвалится и врет,
Первый раз за множество столетий
Все пойдут, старательно, как дети,
Танцевать невиданный фокстрот.

Что-то девки стали заноситься!
Что-то кудри стали завивать!
Но когда погода прояснится,
Все увидят: поле колосится!
И начнут частушки запевать...

ЭКСПРОМТ

Не подберу сейчас такого слова,
Чтоб стало ясным все в один момент.
Но не забуду Кольку Белякова
И Колькин музыкальный инструмент.

Сурова жизнь. Сильны ее удары,
И я люблю, когда взгрустнется вдруг,
Подолгу слушать музыку гитары,
В которой полон смысла каждый звук.

Когда-то я мечтал под темным дубом,
Что невеселым мыслям есть конец,
Что я не буду с девушками грубым
И пьянствовать не стану, как отец.

Мечты, мечты... А в жизни все иначе.
Нельзя никак прожить без кабаков.
И если я спрошу: «Что это значит?» —
Мне даст ответ лишь Колька Беляков.

И пусть сейчас не подберу я слова.
Но я найду его в другой момент,
Чтоб рассказать про Кольку Белякова
И про его чудесный инструмент.

1957

О СОБАКАХ

Не могу я
Видеть без грусти
Ежедневных собачьих драк,
В этом маленьком
Захолустье
Поразительно много собак!
Есть мордастые —
Всякой масти!
Есть поджарые —
Всех тонов!
Только тронь —
Разорвут на части
Иль оставят вмиг
Без штанов.
Говорю о том
Не для смеху,
Я однажды
Подумал так:
«Да! Собака —
Друг человеку
Одному,
А другому — враг...»

1957

БЕРЕЗЫ

Я люблю, когда шумят березы,
Когда листья падают с берез.
Слушаю — и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез.

Все очнется в памяти невольно,
Отзовется в сердце и в крови.
Станет как-то радостно и больно,
Будто кто-то шепчет о любви.

Только чаще побеждает проза,
Словно дунет ветер хмурых дней.
Ведь шумит такая же береза
Над могилой матери моей.

На войне отца убила пуля,
А у нас в деревне у оград
С ветром и с дождем шумел, как улей,
Вот такой же желтый листопад...

Русь моя, люблю твои березы!
С первых лет я с ними жил и рос.

Потому и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез...

Приютино, 1957

ЭКСПРОМТ

Я уплыву на пароходе,
Потом поеду на подводе,
Потом еще на чем-то вроде,
Потом верхом, потом пешком
Пройду по волоку с мешком —
И буду жить в своем народе!

Приютино, 1957

ТОВАРИЩУ

Что с того, что я бываю грубым?

Это потому, что жизнь груба.

Ты дымишь

своим надменным чубом,

Будто паровозная труба.

Ты одет по моде. Весь реклама.

Я не тот...

И в сумрачной тиши

Я боюсь, что жизненная драма

Может стать трагедией души.

1957

НУ ПОГОДИ...

Ну погоди, остановись, родная.
Гляди, платок из сумочки упал!
Все говорят в восторге: «Ах какая!»
И смотрят вслед...

А я на все начхал!

Начхал в прямом и переносном смысле.
И знаю я: ты с виду хороша,
Но губы у тебя давно прокисли,
Да и сама не стоишь ни гроша.
Конечно, кроме платья и нательных
Рубашек там и прочей ерунды,
Конечно, кроме туфелек модельных,
Которые от грязи и воды
Ты бережешь...

А знаешь ли, что раньше
Я так дружил с надеждою одной, —
Что преданной и ласковой, без фальши,
Ты будешь мне

когда-нибудь

женой...

Прошла твоя пора любви и мая,
Хотя желаний не иссяк запал...
...Ну погоди, остановись, родная,
Гляди, платок из сумочки упал!

1957

ВСТРЕЧА

— Как сильно изменился ты! —
Воскликнул я. И друг опешил.
И стал печальней сироты...
Но я, смеясь, его утешил:

Меня прежние черты,
Меня возраст, гнев на милость,
Не только я, не только ты,
А вся Россия изменилась!..

СЕВЕРНАЯ БЕРЕЗА

Есть на Севере береза,
Что стоит среди камней.
Побелели от мороза
Ветви черные на ней.
На морские перекрестки
В голубой дрожащей мгле
Смотрит пристально березка,
Чуть качаясь на скале.
Так ей хочется «счастливо!»
Прошептать судам вослед.
Но в просторе молчаливом
Кораблей все нет и нет..
Спят морские перекрестки,
Лишь прибой гремит во мгле.
Грустно маленькой березке
На обветренной скале.

1957

* * *

Ты хорошая очень — знаю.
Я тебе никогда не лгу.
Почему-то только скрываю,
Что любить тебя не могу.
Слишком сильно любил другую,
Слишком верил ей много дней,
И когда я тебя целую,
Вспоминаю всегда о ней...

1957

ВЕСНА НА МОРЕ

Вьюги в скалах отзвучали.
Воздух светом затопив,
Солнце брызнуло лучами
На ликующий залив!

День пройдет — устанут руки.
Но, усталость заслонив,
Из души живые звуки
В стройный просятся мотив.

Свет луны ночами тонок,
Берег светел по ночам,
Море тихо, как котенок,
Все скребется о причал...

1959

* * *

Снуют. Считают рублики.
Спешат в свои дома.
И нету дела публике,
что я схожу с ума!
Не знаю, чем он кончится —
запутавшийся путь,
но так порою хочется
ножом...
куда-нибудь!

Приютино, 1957

ПОЭЗИЯ

Теперь она, как в дымке, островками
Глядит на нас, покорная судьбе, —
Мелькнет порой дугами, ветряками —
И вновь закрыта дымными веками...
Но тем сильнее влечет она к себе!

Мелькнет покоя сельского страница,
И вместе с чувством древности земли
Такая радость на душе струится,
Как будто вновь поет на поле жнища,
И дни рекой зеркальной потекли...

Снега, снега... За линией железной
Укромный, чистый вижу уголок.
Пусть век простит мне ропот бесполезный,
Но я молю, чтоб этот вид безвестный
Хотя б вокзальный дым не заволок!

Пусть шепчет бор, серебряно-янтарный,
Что это здесь при звоне бубенцов
Расцвел душою Пушкин легендарный,

И снова мир дивился благодарный:
Пришел отсюда сказочный Кольцов!

Железный путь зовет меня гудками,
И я бегу... Но мне не по себе,
Когда она за дымными веками
Избой в снегах, лугами, ветряками
Мелькнет порой, покорная судьбе...

1959

НАСЛЕДНИК РОЗЫ

В саду, где пела радиола,
Где танцевали «Вальс цветов»,
Все глуше дом у частокола,
Все нелюбимей шум ветров.

Улыбка лета так знакомо
Опять сошла с лица земли!
И все уехали из дома
И радиолу увезли...

На огороде с видом жалким,
Как бы стыдясь за свой наряд,
Воронье пугало на палке
Торчит меж выкопанных гряд.

Порой тревожно — не до шуток! —
В рассветном воздухе седом
Мелькнет косяк последних уток
Над застывающим прудом.

Вот-вот подует зимним, снежным.
Все умирает... Лишь один
Пылает пламенем мятежным —
Наследник розы — георгин!

* * *

Я забыл,
Как лошадь запрягают.
И хочу ее
Позапрягать,
Хоть они неопытных
Лягают
И до смерти могут
Залягать.
Но однажды
Мне уже досталось
От коней
И рыжих, и гнедых, —
Знать не знали,
Что такое жалость,
Били в зубы прямо
И под дых.
Эх, запряг бы
Я сейчас кобылку
И возил бы сено
Сколько мог,

А потом
Втыкал бы важно вилку
Поросенку
Жареному
В бок...

ДОБРЫЙ ФИЛЯ

Я запомнил, как диво,
Тот лесной хуторок,
Задремавший счастливо
Меж звериных дорог...

Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живет.

Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду!

Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
Филя! Что молчаливый?
А о чем говорить?

1960

ЛЕВИТАН

(по мотивам картины «Вечный звон»)

В глаза бревенчатым лачугам
Глядит алеющая мгла,
Над колокольчиковым лугом
Собор звонит в колокола!

Звон закольный и окольный,
У окон, около колонн, —
Я слышу звон и колокольный,
И колокольчиковый звон.

И колокольцем каждым в душу
До новых радостей и сил
Твои луга звонят не глуше
Колоколов твоей Руси...

1960

РАЗЛАД

Мы встретились
У мельничной запруды.
И я ей сразу
Прямо все сказал!
— Кому, — сказал, —
Нужны твои причуды?
Зачем, — сказал, —
Ходила на вокзал?

Она сказала:
— Я не виновата.
— Ответь, — сказал я. —
Кто же виноват? —

Она сказала:
— Я встречала брата.
— Ха-ха, — сказал я, —
Разве это брат?

Она сказала:
— Ты чего хохочешь?
— Хочу, — сказал я,

Вот и хохочу!
Она сказала:
— Мало ли что хочешь!
Я это слушать
Больше не хочу!

Конечно, я ничуть
Не напугался,
Как всякий,
Кто ни в чем не виноват,
И зря в ту ночь
Пылал и трепыхался
В конце безлюдной улицы
Закат...

1960